

2003 Апрель 7

НОВАЯ ГАЗЕТА

НРАВИТСЯ ПЕТЬ ЛЕПОРЕЛЛО, А ДОН ЖУАН — ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК

Завтра — концерт Дмитрия Хворостовского в Москве. Певец выступит с Государственным академическим камерным оркестром России под руководством Константина Орбеляна на сцене Государственного Кремлевского дворца

— Дмитрий, в 2000 году вы исполнили партию Риголетто в театре «Новая опера». Нет ли желания осуществить новую оперную постановку в Москве?

— Пока что ничего такого не приходит. Вы знаете, я не совсем уверен, что тогда хорошая идея была...

— Вы не удовлетворены постановкой?

— Ну, естественно, так как это была моя самая первая проба в этой партии. И мне кажется, я не должен был этого делать в России. Скорее всего, надо было спеть что-то другое, что я знал лучше, в чем был уверен. А так рисковать было очень опасно. Я отчасти об этом жалею...

— В апреле 2002 года состоялась премьера «Войны и мира» Сергея Прокофьева в «Метрополитен-опера», где вы исполнили партию князя Андрея. Как западная публика приняла оперу?

— Эта опера была совершенно гениально поставлена Кончаловским, она произвела такое сильное впечатление на американцев, что до сих пор о ней говорят. Это была не только постановка гениальной оперы, но и потрясающее шоу, в котором были задействованы масса народу, кони... Действие происходило на полусфере, которая ломалась и на которой мы должны были еще и танцевать, двигаться и не падать или падать вовремя. Для меня же эта постановка прежде всего была возможностью работать с Кончаловским, настоящим русским режиссером, которого я всегда боготворил. «Война и мир» – это, конечно, эпохальная для меня работа...

— В 1999 году вы впервые снялись в кино. В фильме-опере «Дон Жуан» вы исполнили партии Дон Жуана и Лепорелло. Как возникла сама идея такого «двойничества»?

— Постановщики хотели, чтобы Лепорелло пел Брин Терфелл, но Брин отказался. Тогда предложили мне сделать обе партии. И я сделал эти две партии с большим удовольствием. К тому времени я уже спел две или три большие постановки «Дон Жуана», поэтому свою партию я знал хорошо. А Лепорелло, конечно, надо было подучить. Но оказалось, что партия Лепорелло гораздо удобнее написана для моего голоса, да и вообще для всех голосов, чем партия Дон Жуана. Потом, Лепорелло в каждой из постановок получает больше аплодисментов, потому что роль комическая, интереснее пение, а у Дон Жуана сплошные речитативы и пара арий... да и потом — он просто плохой человек. Вы знаете? Его никто не любит. Как ты ни пытаешься сделать из него нечто положительное, все бесполезно...

— Вы сами исполняли все трюки в этом фильме...

— Трюки – да... Только в первом же дубле я, спрыгнув, подвернул себе ногу. И меня повезли в полном гриме, с моими серо-бурыми волосами (мне нужно было покрасить волосы, а так как седые волосы очень плохо поддаются краске, мои волосы были похожи черт знает на что). И когда меня в таком виде привезли в больницу, люди на меня смотрели... Это надо было видеть. Практически все время съемок я прохромал, и кое в каких местах в фильме моя хромота все-таки видна.

— В прошлом году вы говорили, что мечтаете принять участие в постановке режиссера-авангардиста...

— Четыре года назад я спел «Дон Жуана» в Зальцбурге. Постановка была достаточно авангардистская.

— В чем заключался ее авангардизм?

— Знаете, это взгляд авангардиста на тебя. Иной раз это взгляд на певца как на театральную декорацию. Ты не являешься главным звеном в концепции режиссера. Как правило, это не очень хорошо, когда режиссеры не помогают тебе, а только передвигают...

Но многим зрителям это нравится, многие специально приходят на такую постановку, чтобы насладиться авангардистской эстетикой... Не знаю... Я лично от этого не застрахован. Каждая новая постановка становится полным сюрпризом. Как правило, режиссеры тебя не знакомят со своей концепцией до самого последнего момента. Но с первых репетиций начинаешь чесать себе затылок, и порой хочется уйти, но уже поздно.

— Интересуетесь ли вы творчеством наших современных оперных певцов?

— Я слежу за некоторыми из них: например, Катя Сюрица, которая пела со мной в «Риголетто», очень хорошо идет. Сейчас она — как ракета, ее приглашают везде, и в «Ла Скала» в том числе. Она производит необычайное впечатление своей открытостью,

яркостью, музыкальностью...

Конечно, много других молодых ребят... Братья Абдразаковы, с которыми я знаком, Марина Домашенко, меццо-сопрано, которая тоже становится все более востребованной. Кто еще? Даниил Штода, который тоже становится все более популярным, очень хороший, думающий певец...

— Дмитрий, как-то, года три назад, вы признались: «Намеченный мною репертуар я не спел и на 30 процентов». А что вы можете сказать сейчас?

— Я в принципе двигаюсь по намеченной линии, у меня появляется все больше вердиевских ролей. Какие-то роли я пробую, но не получается... Какие-то легче, но не нравятся. Только что я спел «Бал-маскарад» в Чикаго. Сейчас у меня будет новая партия в «Симоне Бокканегро», которую буду петь в 2006 году. До этого времени у меня есть возможность остановиться и поработать над своим камерным репертуаром. Вот 22 апреля я пою совершенно новую программу из произведений Мусоргского, Чайковского, Равеля в «Витмор-холле». Только сейчас буквально я ее выучил.